

Анкарский пакт 2026: «Туран» как инструмент британского влияния

Комментарий Центра АРВАК, 17.07.2026

Аннотация

АРВАК анализирует подписание знакового соглашения о стратегическом партнерстве между Великобританией и Турцией, состоявшееся на полях 36-го саммита НАТО в Анкаре. Автор рассматривает этот договор как фундаментальный сдвиг в британской внешней политике, направленный на укрепление влияния Лондона в условиях институциональной деградации евроатлантических структур. В материале обосновывается тезис о том, что Великобритания переходит от стратегии «латентной дипломатии» к прямой инструментализации турецкого оборонного потенциала с целью вытеснения России из Черноморско-Каспийского бассейна и Центральной Азии. Особое внимание уделяется рискам формирования новой архитектуры безопасности, проецирующей угрозы на южные рубежи РФ и меняющей баланс сил на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Великобритания, Турция, НАТО, геополитика, стратегическое партнерство, региональная безопасность, Россия, Южный Кавказ, Центральная Азия, Туран, оборонная доктрина.

1. Анкарский пакт 2026: официальные параметры партнерства

В начале июля 2026 г. на полях 36-го саммита НАТО в Анкаре состоялось подписание знакового соглашения о стратегическом партнерстве между Великобританией и Турцией в сфере обороны и безопасности. Подписи под документом поставили премьер-министр Великобритании Кир Стармер и президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган.

Опираясь на содержание официальных коммюнике сторон, данный договор о стратегическом взаимодействии в оборонной сфере вновь декларирует решимость Британской короны и Турецкой Республики неукоснительно обеспечивать взаимную безопасность, одновременно подтверждая приверженность основополагающим принципам Североатлантического альянса.

Согласно заявлению Управления по коммуникациям администрации президента Турции, подписанное соглашение призвано зафиксировать обоюдное стремление Анкары и Лондона – ключевых европейских членов НАТО – к углублению и институционализации партнерства в условиях трансформации евроатлантической среды. Данный документ позволит Великобритании и Турции интенсифицировать консультации, задействовав новые механизмы взаимодействия в военно-политической сфере, включая вопросы стратегического сдерживания и обороны, развития военных технологий, оборонной промышленности, космической деятельности, а также гражданской готовности и устойчивости.

Кроме того, в официальном комментарии турецкого ведомства акцентируется внимание на том, что обе державы вносят «уникальный и незаменимый вклад» в обеспечение безопасности макрорегиона. Руководствуясь союзнической солидарностью и общей ответственностью, стороны декларируют намерение планомерно увеличивать расходы на оборону и наращивать потенциал Североатлантического альянса в целях укрепления позиций Европы при сохранении устойчивых трансатлантических связей.

2. Традиции британской «латентной дипломатии» в новой реальности

Для экспертов данный договор стал одним из наиболее примечательных событий 36-го Анкарского саммита, поскольку позволил лучше понять контуры британской стратегии в условиях масштабных геополитических сдвигов в Европе, Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в мире в целом. Военно-политические планы Лондона и его позиция по многим вопросам международной повестки традиционно формировались и реализовывались по принципу минимальной публичности и огласки. Традиция избегать открытой демонстрации своих интересов и стремлений в парадигме внешнеполитической активности уходит корнями в эпоху становления британского колониализма, когда скрытность и использование инструментов дезинформации во многом являлись определяющими факторами успеха в конкуренции с другими европейскими державами за разведку, захват и освоение колониальных земель. Впоследствии подобная методика ведения внешнеполитической стратегии практически институционализировалась в британской политической практике. В то же время в континентальной Европе, перманентно испытывающей вспышки народных революций, постепенно усиливалась тенденция к более декларативному характеру внешнеполитической деятельности, что было обусловлено стремлением общества более широко контролировать политику своих властей и быть осведомленными об их начинаниях и действиях.

Постепенно само выражение «*британская политика*» трансформировалось в нарицательное обозначение кулуарности, глубокой конфиденциальности и последовательной дезинформации оппонентов, сочетающихся с виртуозным использованием межгосударственных противоречий в интересах экспансии Соединенного Королевства. На протяжении веков Лондон оттачивал данную методологию, которая по своей продуктивности неизменно превосходила открытые декларативные подходы и масштабное задействование военного ресурса. Ключевыми инструментами британского доминирования на мировой арене стали механизмы теневой дипломатии и латентного воздействия на глобальные геополитические процессы. Это во многом предопределило исключительную вовлеченность британских спецслужб, фактически интегрированных в политико-дипломатический аппарат Королевства, в реализацию внешнеполитической доктрины государства. В рамках данной парадигмы прямая демонстрация либо применение военной силы традиционно расценивались британским кабинетом как крайняя мера, допустимая лишь в критических обстоятельствах. В XX столетии потребность в моделировании влияния посредством прямого силового инструментария также во многом нивелировалась членством в НАТО, позволившем Лондону делегировать значительную часть ответственности за оборону коллективному институту, сохраняя при этом рычаги геополитического присутствия в различных регионах мира. На протяжении последних десятилетий СК стабильно входило в число аутсайдеров Североатлантического альянса по уровню оборонных расходов относительно ВВП, что, тем не менее, позволяло Королевству номинально удерживать реноме ведущей военной державы мира, несоизмерное реальному объему финансирования национальных вооруженных сил.

3. Эволюция стратегии: от «мягкой силы» к прямому военному инструментарию

В данной связи аналитики акцентируют внимание на беспрецедентной интенсификации военного сегмента во внешнеполитическом курсе Лондона за последний год, что представляет собой нетипичное явление для британской стратегии со времен Фолклендского кризиса 1982 года. Прежде всего, в условиях инициированного Д. Трампом «финансово-бюджетного ажиотажа» внутри Североатлантического альянса Соединенное Королевство приступило к форсированному поиску альтернативных ресурсов для модернизации национальных вооруженных сил (АРВАК подробно анализировал данную проблематику в материале [«Кризис оборонного бюджета Великобритании»](#) от 24.06.2026). Кроме того, в этой парадигме особого внимания заслуживает договор о стратегическом взаимодействии между СК и Турецкой Республикой, заключенный в рамках Анкарского саммита НАТО. Как полагает ряд экспертов, данный шаг знаменует собой фундаментальную трансформацию доктрины Лондона, который на фоне масштабных геополитических сдвигов в зонах своего влияния стремится к прямой активизации силового инструментария и качественному укреплению собственной архитектуры безопасности.

4. Двойная повестка Лондона: кризис НАТО и евразийская экспансия

В этом плане подписанный в Анкаре британо-турецкий документ представляет особый интерес. Эксперты сходятся во мнении, что он главным образом отражает озабоченность Лондона двумя крайне важными стратегическими проблемами и стремление решить их посредством формирования качественно нового оборонного альянса с Турцией.

1. Нарастающая стагнация внутри Североатлантического альянса, чреватая, по оценкам экспертного сообщества, дезинтеграцией структуры или ее радикальной трансформацией, диктует Лондону необходимость поиска эксклюзивных путей углубления связей с наиболее мощным военным субъектом Европы – Турцией. В парадигме неопределенности геополитических векторов на континенте, обусловленной финансово-идеологической эрозией НАТО, Британская корона стремится к форсированной институционализации взаимодействия с Анкарой. Целью данного курса является создание альтернативного каркаса защиты стратегических предпочтений СК в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в акватории Средиземноморья, где Королевство дислоцирует свои ключевые военно-морские и воздушные базы. Характерно, что политический демарш Мадрида в отношении Вашингтона, а также обострение греко-турецких противоречий уже формируют прямые вызовы британскому присутствию на Кипре и в Гибралтаре, ограничивая возможности Лондона по латентному балансированию интересов в средиземноморской геостратегической зоне. Фиксируя неуклонное усиление роли Анкары в региональной архитектуре безопасности на фоне деградации внутрисоюзнических связей в блоке, СК переходит к глубокой интеграции своих военно-политических планов с турецкими партнерами. Фактически данный шаг является симметричным ответом Великобритании на кристаллизацию локальных коалиций, возникающих в период

кризиса Североатлантического альянса: в Восточной Европе (проекты «Бухарестской девятки» и «Триморья»), на Ближнем Востоке (ось США – Израиль) и в Восточном Средиземноморье (альянс Франции, Греции, Кипра и Израиля). В этой сложной геополитической игре Лондон делает стратегическую ставку на расширение военного партнерства с Турецкой Республикой, опираясь на традиционные рычаги влияния, внушительный потенциал Анкары и комплементарность геополитических устремлений двух держав.

2. Вторая стратегическая задача Лондона заключается в форсированной инструментализации турецкого экспансионизма для реализации доктрины окончательного вытеснения России из Черноморско-Каспийского бассейна и Центральной Азии. Украинский конфликт существенно истощил военный ресурс Москвы, подрывав ее доминирование в акватории Черного моря, ослабив влияние на Южном Кавказе и способствуя снижению военно-политической зависимости центральноазиатских государств от РФ. Для Турции в условиях ренессанса идей пантюркизма в настоящее время складываются благоприятные условия для широкомасштабной экспансии в Центральную Азию. Анкара вплотную подошла к этапу капитализации наработанных в рамках «Тюркского совета» и «Организации тюркских государств» многоплановых связей с республиками региона в активы, позволяющие трансформировать тюркскую интеграцию в полноценный военно-политический союз. Несмотря на то что отдельные участники ОТГ проявляют осторожность в вопросе финального оформления столь тесного альянса (АРВАК анализировал проблематику сопротивления Астаны турецким инициативам в [материале](#) от 26.05.2026), давление турецкой стороны будет неуклонно нарастать. В среднесрочной перспективе ОДКБ рискует окончательно утратить статус дееспособного гаранта региональной безопасности, а сама Россия может трансформироваться в фактор дестабилизации. На этом фоне перманентная угроза радикального исламизма с афганского направления лишь актуализирует потребность в создании альтернативной архитектуры коллективной безопасности, основанной не на инерции постсоветских связей, а на этноязыковой общности, конфессиональной идентичности и амбициях по формированию нового центра силы в сердце Евразии.

5. Проект «Туран» и вызовы безопасности для России

Форсируя углубление оборонного альянса с Анкарой, Соединенное Королевство демонстрирует стремление к полноценной инкорпорации в формирующийся контур «Турана», который в представлении Лондона обретает реальные шансы на трансформацию из идеологического концепта в полноценный геополитический и военный конструкт. Аналитики констатируют, что СК, оставаясь верным многовековым традициям латентной дипломатии, на протяжении двух столетий кулуарно содействовало формированию протурецких ориентаций среди элит и народов Кавказа и Центральной Азии. После дезинтеграции СССР британская стратегия по «тюркизации» данного пространства, имеющая выраженный антироссийский вектор, активизировалась, расчищая путь турецкой экспансии в зону экзистенциальных интересов Москвы. Примечательно, что до недавнего времени комплексное

взаимодействие в этом направлении не предполагало публичной военно-политической кооперации, что было обусловлено стремлением Лондона минимизировать огласку своей миссии по тотальной девальвации российского влияния. Однако Анкарское соглашение, фиксирующее беспрецедентное сближение держав в сфере безопасности вне рамок коллективных обязательств НАТО, знаменует переход СК к этапу прямой инструментализации собственного оборонного потенциала в целях усиления давления на южные рубежи РФ. Очевидно, экстраполируя опыт поддержки Киева на взаимодействие с Анкарой, Лондон рассчитывает на успех, открывающий путь не только к окончательному вытеснению России из тюркоязычного ареала, но и к созданию долгосрочных предпосылок для деструкции самой российской государственности.

Российская Федерация, несомненно, сталкивается с комплексом экзистенциальных вызовов, катализатором которых выступает беспрецедентная интенсификация военно-политического присутствия Великобритании на турецком векторе. Данная стратегия Лондона отчетливо демонстрирует стремление к реанимации триумфального сценария Крымской кампании XIX столетия, когда консолидированный потенциал англо-французских военно-морских сил и сухопутных контингентов Османской империи на Черноморском театре обеспечил достижение стратегических преимуществ над Москвой.

6. Региональные последствия для Южного Кавказа

Если гипотетическая британо-турецкая экспансия в центральноазиатском регионе пока находится на этапе поступательной реализации, сопряженной с существенными препятствиями, то геополитическая динамика на Южном Кавказе уже вызывает глубокую озабоченность Кремля. Итоги 44-дневной войны 2020 г. и последующей этнической чистки армянского населения в 2023 г., ставшей прелюдией к свертыванию российского миротворческого контингента, фактически закрепили инкорпорацию Азербайджана в систему военно-политического доминирования Анкары. В рамках данной парадигмы армянское экспертное сообщество констатирует: Анкарский договор о стратегическом партнерстве, наложенный на положения Шуминой декларации от 15.06.2021 о союзнических отношениях, формирует институциональный фундамент для прямой силовой проекции Лондона в регионе. Это знаменует собой качественную трансформацию вызовов безопасности на южных рубежах РФ, включая Каспийскую акваторию, Причерноморский театр и стратегически важные зоны Поволжья.

Резюмируя, отметим: наиболее критическим аспектом формирующегося британо-турецкого альянса в контексте угроз для безопасности РФ выступает потенциальная радикализация внешнеполитического курса Анкары, детерминированная негласными гарантиями британского ядерного сдерживания. Несмотря на отсутствие в тексте Анкарского договора прямых положений о ядерных обязательствах – что обусловлено сохраняющейся формальной архитектурой НАТО, – глубинная логика двустороннего сближения указывает на подготовку Лондоном экзистенциального «щита» для своего партнера на случай дезинтеграции Североатлантического альянса. Подобная перспектива способна нивелировать фундаментальные сдерживающие факторы,

традиционно препятствующие прямому военному столкновению Турецкой Республики с Россией, и тем самым открыть путь к реализации деструктивных сценариев в Евразии, отвечающих многовековым интересам Британской короны.